Текст · 18 ноября 2026, 14:15
Дарья Серегина,

Прачки, сантехники, террористы. Г ражданских украинцев, работавших в «Азове» и «Айдаре» до большой в ойны, судят наравне с военными

Ольга Денисова была прачкой в военной части под Мариуполем, сбежала в первый же день войны, получила российское гражданство и устроилась в компанию-подрядчик Минобороны. Повариху из той же части Викторию Тинькову уволили 24 февраля 2022 года. Она пошла работать в столовую МЧС ДНР и вступила в «Единую Россию». Спустя годы обеих женщин обвинили в причастности к «Азову». Денисова в конце сентября получила 5 лет колонии-поселения, Тиньковой сегодня назначили такое же наказание.

Эти случаи не исключительны. Как и военных из «Азова» и «Айдара», бывший гражданский персонал этих подразделений судят по статье об «участии в террористическом сообществе» — и по крайней мере в одном из таких дел фигурирует предоставленный ФСБ список личного состава «Азова». В нем есть данные как минимум 1 084 человек, в том числе, остающихся на оккупированных территориях.

Краткое содержание

- Вспомогательный гражданский персонал «Азова» и «Айдара» в России судят по статье об «участии в террористическом сообществе» наравне с военнослужащими

- Среди осужденных —
токарь, сантехник-паропроводчик, повариха, делопроизводительница и прачка. Многие из них уволились из украинской армии задолго до полномасштабной войны и не скрываясь жили на оккупированных территориях
- В распоряжении ФСБ есть списки личного состава «Азова». Они были продемонстрированы в Южном окружном военном суде в Ростове-на-Дону как минимум дважды. Списки охватывают не менее 1 084 человек, включая гражданских; часть из них остаются на оккупированных территориях
- На примере прачки Ольги Денисовой и поварихи Виктории Тиньковой «Медиазона» объясняет, как устроены подобные дела и кому грозит уголовное преследование

---

22 апреля 2025 года водитель строительной компании «Антарес» вез из Москвы на объект в Луганске свою коллегу, 38-летнюю[1] делопроизводительницу Ольгу Денисову. В городе Красный Луч[2], рассказывала она уже в суде, их остановила «военная машина». Женщину попросили «пройти для проверки документов», после этого на место «подъехали сотрудники ФСБ».

Двое суток она провела в кабинете, где ее «допрашивали по одному человеку — то один приходил, то второй, то третий».

— 24 апреля они мне сказали: «Мы повезем тебя в город Луганск, ты пройдешь полиграф и поедешь домой», — вспоминала Денисова.

Но вместо этого ее отвезли в Старобельск, в больницу, где отправили на «какой-то осмотр каких-то врачей», после чего «без постановления суда» закрыли в СИЗО.

— При мне был огромный чемодан с кучей вещей, с которыми я возвращалась из Москвы. Все эти вещи они изъяли, забрали у меня все украшения, которые были в сумочке, карточки, деньги, телефон. У меня не было никаких средств личной гигиены, — рассказывала Денисова. Несколько месяцев ее возили между СИЗО-2 в Старобельске в СИЗО-1 в Луганске и не давали связаться с семьей.

Только 2 июля Денисову впервые привели к следователю, который сказал, что она обвиняется в участии в террористическом сообществе[3]. 24 июля 2025 года, спустя два месяца после фактического задержания, суд наконец официально заключил ее под стражу.

Обвинение

Обвинение утверждает: после того, как в ноябре 2014 года «Азов» вошел в состав войсковой части №3057[4], его участники продолжили «совместную с ВСУ» деятельность, направленную на «совершение преступлений террористического характера, насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности

Российской Федерации» для «захвата власти» в регионах и «дестабилизации ситуации».

Хотя в России «Азов» признали террористической организацией только 2 августа 2022 года, обвинение ссылается на федеральный закон[5], согласно которому «преступления, совершенные против интересов ДНР и ЛНР до 30 сентября 2022 года, считаются совершенными против интересов Российской Федерации».

Далее, в 2022 году, «в один из дней» не позже 10 января, Ольга Денисова на базе в селе Урзуф Донецкой области получила «от неустановленного лица из числа офицерского состава» предложение вступить в «Азов». В тот же день «в целях реализации преступного умысла» она «выразила добровольное согласие» и написала заявление о приеме на военную службу. Приказом Денисову назначили на должность машиниста по стирке и ремонту спецодежды.

В обвинительном заключении отдельно указано, что кроме «стирки, ремонта спецодежды и вещевого обеспечения военнослужащих» она «привлекалась к исполнению» *иных* обязанностей, «связанных с обеспечением деятельности» части — какие это были обязанности, впрочем, не уточняется.

Как считает обвинение, Денисова работала, «осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления» — вплоть до 24 июня 2022 года, когда в части подписали приказ о ее увольнении.

Женщина «не вышла из "Азова" добровольно» и не сообщила «о факте его существования и своем непосредственном участии» в нем, «умышленно скрыв» это от российских властей, поэтому освободить[6] ее от уголовной ответственности нельзя.

Главными доказательствами участия Денисовой в «террористическом сообществе» стали выписки со счета украинского «Приватбанка» с начислениями зарплаты и копия справки из части №3057, согласно которой женщина «в период с 10 января 2022 года принимает участие в осуществлении мероприятий по обеспечению национальной безопасности и обороне, отражению и сдерживанию вооруженной агрессии Российской Федерации в Донецкой и Луганской областях, обеспечении их осуществления, в составе отдельного отряда спецназначения "Азов"».

Справка, оригинал которой следствию найти не удалось, датирована 7 февраля 2022 года и подписана Александром Крячко, хотя в это время командиром части был другой офицер — Денис Шлега.

Мать и старшая дочь Денисовой, которые жили вместе с ней, не смогли объяснить суду, как справка оказалась у силовиков. «Даже если бы предположить, что она была когда-то, ну неужели спустя столько лет

после того, как началась СВО, я бы ее хранила дома?» — недоумевала сама Денисова.

Следствие при этом утверждает, что справку обнаружили при обследовании жилого помещения по месту регистрации Денисовой в Урзуфе. Этот адрес указан и в протоколе ОРМ, которое санкционировал Жовтневый районный суд Луганска. Однако на самом деле 26 мая 2025 года оперативники, обнаружив, что дом, где прописана Денисова, давно заброшен, не стали дожидаться нового судебного решения и отправились по ее фактическому месту жительства. Из-за этого суд в итоге признал протокол осмотра недопустимым доказательством — а вот «найденную» в результате справку признавать таковым отказался.

«Последняя смена перед началом СВО»

Ольга Денисова впервые увидела солдат ВСУ в родном селе летом 2014 года. В суде она вспоминала, что жителей Урзуфа пугала военная техника, им «было непривычно, что ездили с автоматами, пушками, в магазин заходили с оружием».

Незадолго до начала большой войны женщина рассталась с мужем, уволилась из строительного магазина и искала работу «с более подходящим графиком и другой заработной платой». От Валентины Березкиной[7] — бывшей воспитательницы детсада, куда ходили ее дочери — Денисова узнала, что в войсковую часть №3057 требуются гражданские: «Они набирали разных абсолютно людей».

— Я была обычной домохозяйкой, которая занималась детьми, водила их на танцы, пение, в школу и садик, и мне идеология «Азова» совершенно не была [интересна]. Я думала о том, куда бы мне устроиться на работу, денег заработать, а не о том, чем они там занимаются. Я не вникала тогда в политику совершенно, — говорила Денисова.

Оформляться прачкой в десятых числах января 2022 года женщина поехала в «управление части» в Мариуполе[8] — там она закончила университет,

и ей хотелось, «если все сложится», перевезти в город дочерей, чтобы младшая «могла заниматься гимнастикой».

«Обычные сотрудники» провели Денисову внутрь, в тот же день она прошла «элементарную» технику безопасности: «Чтобы тебя не убило током на работе, как включается-выключается стиральная машинка, и что нельзя ходить в шлепках, а нужно надевать тапочки». Еще пара недель ушла на то, чтобы пройти медкомиссию, получить зарплатную карту в «Приватбанке» и собрать все документы. После этого Денисову приняли на работу по трудовому договору, «никаких приказов» ей на руки не давали.

Часть в Мариуполе была «самым обычным местом». Гражданским не выдавали пропусков и пускали внутрь по паспортам. «Форма никакая не положена была. Кроме стирального порошка, больше ничего не выдавалось, — вспоминала Денисова. — У тебя есть стол, на котором лежит журнал, и есть стеллажи для вещей. Тебе приносит сотрудник части баул с вещами. Ты в журнале просто записываешь, во сколько он принес эти вещи, дату и какие-нибудь его

данные». После этого вещи нужно было постирать, погладить и отдать сотруднику, который «должен был обязательно поставить подпись в журнале о том, что он их забрал».

Несколько смен Денисова отработала в Мариуполе, потом ее «попросили выйти в Урзуф» — «это была последняя смена перед началом СВО».

Война

В ее последнюю смену, вспоминала Денисова, в часть вызвали всех гражданских. 23 февраля 2022 года их «без объяснения причин закрыли на базе»: «Выделили общежитие, принесли постельное, электрический чайник и домой не отпустили».

24 февраля они проснулись в четыре утра «от того, что началась СВО». Денисова, как и все, стала звонить маме, «чтобы она собрала детей, и они спустились куда-нибудь в подвал».

— Шел дождь, мы стояли на улице, мы просили, мы уже плакали, чтобы нас отпустили, потому что у нас дети, семьи. На нас никто не обращал внимания. Мы попробовали выйти через ворота, но там была охрана, и нас никто не выпустил. Попытки с третьей нам удалось покинуть эту базу и пойти домой. Мы просто ушли. Сбежали. Других вариантов не было, — вспоминала Денисова.

Следующие полтора месяца она жила в селе Белосарайская Коса[9] у свекрови: бывший муж считал, что там детям будет безопаснее, чем в Урзуфе. На

карту Денисовой продолжала приходить зарплата: по ее предположению, потому, что никто в части не знал, где она находится. Потом у матери Денисовой начались «давление и проблемы со здоровьем», она решила вернуться домой и занялась «поисками новой работы».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

В суде Денисова говорила, что в 2014 году, «когда разделилась Донецкая область», ее семья оказалась по разные стороны границы, но она «не может сказать, что обрадовалась, когда началась СВО, потому что война — это в любом случае плохо, гибнут люди, гибнут дети». Женщина старалась помогать беженцам «одеждой, едой и крышей над головой». Со временем «все привыкли к такой жизни, и всех все устраивало».

Денисова устроилась делопроизводителем в строительную компанию «Антарес».

— Организация восстанавливала город Мариуполь, город Донецк и город Луганск. И все объекты инфраструктуры были непосредственно от министерства обороны Российской Федерации. Мы строили специальные медицинские многофункциональные центры, морги, полигоны. Работу я свою очень любила, — рассказывала она.

В конце декабря 2022 года Денисова получила российский паспорт — для этого нужно было

пройти фильтрацию. Процесс оказался довольно формальным: сотрудник отдела полиции в Мариуполе просмотрел телефон Денисовой и спросил, где она работала раньше.

— Я ему пояснила, что прачкой в [части] 3057. Он единственное, что спросил: «Вы не военнообязанная, а гражданская?». Я сказала, да. Что-то он посмотрел у себя на ноутбуке на столе. И все, сказал всего доброго и выдал маленькую бумагу. Я ее все время возила с собой, — вспоминала женщина.

Как гражданских судят по делам «Азова» и «Айдара»

Денисова, как и многие обвиняемые по делам, связанным с «Азовом», в суде настаивала, что устраивалась на «обычную работу» в часть №3057, «никоим образом не относила себя к этому батальону» и до сих пор «не до конца осознает, как одно связано с другим».

— В чем же общественная опасность деяния Денисовой, если предположить, что дело было даже именно так, как сформировало позицию следствие? Только в том, что она содействовала террористической деятельности «Азова» в формате стирки носков и трусов? Это реальная опасность, которую представляют действия Денисовой для нашей страны, для одного из крупнейших в мире государств? — говорил в прениях ее защитник.

Подсчитать все дела об участии в «террористическом сообществе»[10], возбужденные против гражданских

из числа вспомогательного персонала «Азова» и «Айдара», невозможно: во многих случаях информация в судебных картотеках скрыта, а тексты приговоров не публикуются. Правозащитники часто ссылаются на слова самих обвиняемых, которые сложно проверить; списки личного состава украинских подразделений, доступные в открытых источниках, тоже нельзя считать достоверными.

В базах «Мемориала» и проекта «Если б не было войны» «Медиазона» нашла 12 дел[11] против гражданских, которые уволились из «Айдара» еще до начала полномасштабной войны — речь идет о поварах и медиках, водителях и охранниках, кочегаре-паропроводчике, токаре и делопроизводителе. По крайней мере[12] многие из них оставались жить на оккупированных территориях. Статья о «террористическом сообществе» вменялась им в старой редакции[13], которая предусматривала от 5 до 10 лет лишения свободы. В 2023 году статью ужесточили[14] — теперь это уже от 10 до 15 лет.

При этом силовики и суды в таких делах часто используют формулировки, размывающие грань между трудом гражданского специалиста и военной службой. Так, в приговоре Владимиру Линнику сказано, что он «осуществлял ремонт и обслуживание военной техники, которая применялась террористическим сообществом для подавления воли и принуждения народа ЛНР и ДНР к отказу от принятого им в результате свободного волеизъявления решения о самоопределении».

Четверо из осужденных, обратила внимание «Медиазона», жили в Старобельске Луганской области — в этом городе в 2014 году на базе местной самообороны и сформировался будущий батальон «Айдар».

Делопроизводительница Любовь Селина в сентябре 2023 года получила 5 лет общего режима, а Владимира Корсунова в апреле 2024 года осудили на 5 лет колонии-поселения за работу начальником сторожевой группы. 52-летний водитель из Луганской области Ибрагим Куджанов, осужденный на 5,5 лет за работу водителем, в июле умер в колонии. Повариху Наталию Придатченко освободили в рамках обмена пленными в сентябре 2024 года — спустя 9 месяцев после приговора в 5 лет колонии-поселения. Кочегар-паропроводчик Сергей Иващенко получил 6 лет общего режима.

Самые большие сроки пока — у гражданских, проходивших по показательным групповым делам «Азова» и «Айдара». Так, разнорабочему Олегу Жаркову назначили 13 лет за «выполнение хозяйственно-бытовых, ремонтно-строительных работ по содержанию инфраструктуры, поддержанию порядка и обеспечению жизнедеятельности» подразделения, а водители Дмитрий Федченко и Виталий Крохалев, чья служба в «Айдаре» закончилась за несколько лет до большой войны, получили 15 и 16 лет строгого режима. Согласно обвинению, их обязанности заключались в «погрузке, разгрузке и подвозе продовольствия, боеприпасов, личного состава и командования», а также «выполнении хозяйственно-бытовых и ремонтных работ».

Суровые приговоры в этих делах связаны с обширным списком статей обвинения. Многим из поваров, водителей, медиков и разнорабочих «Азова» и «Айдара» вменяли, в том числе, статью об обучении терроризму[15]. В других обнаруженных «Медиазоной» делах против гражданского персонала речь идет только об участии в террористическом сообществе[16].

37-летняя Виктория Тинькова — фигурантка последнего из подобных дел, которое на момент публикации этого текста успел рассмотреть Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону. Она рассказывала, что устроилась поваром в воинскую часть №3057 в Урзуфе 5 декабря 2019 года из-за безденежья — нужно было кормить двоих детей, а постоянной работы в курортном селе ни у нее, ни у мужа не было. «Для [военных] мы были люди

третьего сорта», — вспоминала Тинькова в суде. В конце февраля 2022 года командование предложило переехать в Киев, женщина отказалась, и с 24 февраля ее официально уволили.

Когда Урзуф «освободили», Тинькова приняла российское гражданство, пошла работать в столовую МЧС самопровозглашенной ДНР и в июне 2025 года вступила в «Единую Россию». В суде она признала вину и сказала, что хочет продолжать работать «на благо Российской Федерации». Муж Тиньковой Сергей из-под ареста по наркотической статье[17]

ушел на фронт, 4 февраля производство по делу приостановили — военкомат подтвердил, что он признан пропавшим без вести.

На процессах Денисовой и Тиньковой в суде наряду с другими доказательствами изучали представленный ФСБ список личного состава «Азова», в котором участники подразделения, по замечанию одного из адвокатов, отсортированы «по званию или значимости». Полностью документ не оглашался, наряду со списками на украинском языке в суде демонстрировали сканы служебных удостоверений. Сколько человек упоминаются в списке, неизвестно; по оценке источника «Медиазоны», таблица с именами насчитывает не менее двух тысяч строк. Как и когда эти документы оказались в руках российской спецслужбы, в суде не уточняли.

Тинькова фигурирует в списке под номером 1 084 как «*робітник*»[18], фамилии Денисовой там нет. Выступившая свидетелем по ее делу воспитательница Валентина Березкина, которая в

суде заверяла, что не имеет к «Азову» никакого отношения, числится под номером 1 069.

«Работала, а не служила»

В суде Денисова говорила, что она «обычный мирный, гражданский человек». То, что она услышала на первом допросе, признавалась женщина, «привело ее в ужас» — «она не могла понять, как вообще это возможно, и доказывала [следователю], что это неправда, это все не так».

Денисова говорила, что все годы до задержания жила спокойно, не боялась Росгвардии и военной комендатуры и свободно ездила по России и оккупированным территориям, «потому что не считала себя какой-то преступницей и в чем-то виноватой».

— Я вам клянусь, как сказал следователь: «Я, говорит, понимаю, что ты ни в чем не виновата, что ты ничего не сделала, но ты попала под систему, которую никто не может раздробить. И нужно подписывать то, что я пишу». Он говорил, что у нас есть слово, — я хорошо запомнила, — «фабула», по которой ты должна подписывать, — вспоминала она.

Из последнего слова Ольги Денисовой

Я хочу добавить, что детям очень нужна их мама, которая их любит, которая скучает за ними, а они за мной. В письмах они пишут, что не было и дня, чтобы они не плакали за мной и не вспоминали меня. Так и у меня не было дня, чтобы я за ними не плакала.

<ÿ.ÿ Я прошу уважаемый суд услышать меня, понять и не лишать детей их матери.
Как они после этого будут жить? Ведь это будет самое суровое наказание как для меня, так и для моих детей. Более года я выживала без детей. Больше просто я не выдержу. Больше всего на свете я хочу вернуться домой, обнять своих детей, поцеловать их, жить с ними, как раньше, и работать. Прошу не разлучать меня с детьми, а вынести оправдательный приговор. Но если суд все же считает, что я в чем-то виновата, прошу дать мне тот приговор, который не лишит меня свободы, и не лишит меня возможности видеться с моими детьми. Я хочу и дальше работать на своей любимой работе в строительной организации, воспитывать детей, жить в Российской Федерации, так как это мой выбор. Я никуда не выехала и не сбежала, осталась в Российской Федерации, платила налоги, была законопослушным гражданином, что и планирую делать дальше.

Следователь, «несмотря на то, что был молодой парень», нашел на нее «рычаги давления».

2 июля 2025 года Денисова впервые за несколько месяцев смогла связаться с семьей — до этого ее искали «по СИЗО в двух областях», и ни один изолятор «не сообщил, что она там содержится».

— Мне приходилось подписывать [показания], потому что каждый раз, когда я приезжала к следователю, он мне давал возможность позвонить детям и маме. Если я что-либо не подписывала, он лишал меня этого звонка, — рассказывала женщина.

Следователь «пояснил, какой страшный срок ей грозит», и сказал, что ее дети «поедут в детский дом», но если она «со всем согласится и сделает так, как он напишет, будет лучше».

— Максимум, что тебе будет светить, это колония-поселение, как он говорил, под Мариуполем. Там, говорит, годик-два посидишь и поедешь домой, — пересказывала Денисова обещания следователя.

Все ее мысли были о маме и дочерях, «как они живут без меня, ведь дети — это было все на тот момент».

В суде Денисова осторожно говорила, что «опасалась сотрудников ФСБ», которые этапировали ее только в наручниках и надевали на голову пакет или медицинскую маску, «чтобы не было видно, куда везут».

«В 20-х числах июля» она в очередной раз отказалась признавать слово «служба» в протоколе допроса, «потому что работала, а не служила».

— Я ему сказала, можете меня вот здесь своим автоматом расстрелять, я слово «служба» не подпишу, — в слезах говорила Денисова. — [Следователь] позвал оперативников ФСБ в Луганске. Они пришли, надели мне мешок на голову, наручники. И там же в коридоре вывели в клетку и пристегнули. Он периодически приходил, спрашивал, не передумала ли я подписывать. В этот день я дочке, к сожалению, не позвонила, потому что я не подписала.

Обе дочери Денисовой остались на иждивении[19] бабушки: задержание Ольги «подкосило ее здоровье»,

у нее «постоянные головные боли, давление и проблемы с ногами».

Прокуратура запрашивала Ольге Денисовой 6 лет колонии общего режима. Судья Южного окружного военного суда Денис Галкин 17 сентября назначил ей 5 лет колонии-поселения, изменив квалификацию на пособничество участию в террористическом сообществе[20]. В срок зачли время с момента реального задержания.

Виктории Тиньковой обвинение просило назначить 5 лет и 6 месяцев колонии. Судья Гурген Довлатбекян вынес приговор в тот же день: как и в деле Денисовой, обвинение смягчили, а наказание оказалось меньше, чем требовал прокурор — 5 лет колонии-поселения. Детей Тиньковой судья решил передать под опеку бабушки.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. На тот момент.

2. В 2016 году переименован в Хрустальный, оккупационная администрация использует старое советское название.

3. Часть 2 статьи 205.4 УК.

4. 12-я бригада оперативного назначения Национальной гвардии Украины имени Дмитрия Вишневецкого.

5. Часть 3 статьи 2 федерального закона №395 «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

6. Примечание к статье 205.4 УК гласит: «Лицо, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее

о его существовании, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

7. Имя изменено. «Медиазона» считает, что публичное упоминание может повредить этой женщине.

8. Примерно 45 км от Урзуфа.

9. Примерно 30 км от Урзуфа.

10. Часть 2 статьи 205.4 УК.

11. Не считая Ольги Денисовой и Виктории Тиньковой.

12. В некоторых случаях обстоятельства задержания неизвестны.

13. Поскольку наказуемость деяния определяется законом, действовавшим на момент его совершения.

14. Согласно федеральному закону от 28 апреля 2023 года №157-ФЗ.

15. Статья 205.3 УК.

16. Часть 2 статьи 205.4 УК.

17. Часть 3 статьи 30, пункт «а» части 4 статьи 228.1 УК.

18. По-украински — работник, сотрудник.

19. Ольгу Денисову внесли в реестр экстремистов и террористов Росфинмониторинга уже 1 июля 2025 года, с этого момента ее карты заблокированы, она не получает «даже алименты».

20. Часть 5 статьи 33, часть 2 статьи 205.4 УК.